

Гайдар Аркадий Петрович

Перебежчики

Аркадий ГАЙДАР
ПЕРЕБЕЖЧИКИ
Рассказ

Я только что сел за поданный доброй хозяйкой ломоть горячего хлеба с молоком, как в дверь с шумом ворвался подчасок и крикнул:

- Товарищ командир! Подбираются белые, прямо так по дороге и прут человек двадцать.

Я выскочил. Пост был шагах в сорока, у стены кладбища. Первый взвод уже рассыпался вдоль каменной ограды, и пулеметчик, вдернув ленту, сказал:

- Эк прут! От луны светло, всех дураков тремя очередями снять можно. Разреши, товарищ командир, пропустить пол-ленты...

- Погоди, - ответил я, - тут что-то дело не то. Уж не перебежчики ли это? Смотри, вон все остановились, а двое вперед вышли.

Два человека, отделившись, шли прямо на нас; на полпути они снимали шапки и подняли их на штыки винтовок.

"Парламентеры от перебежчиков", - решил я окончательно и крикнул:

- Ребята, осторожней с винтовками, не то отпугнете выстрелом! Парламентеры были рядом, их окликнули.

- Товарищи, - раздался в ответ крик, - товарищи, не стреляйте! Мы свои, мы перебежчики, мы к вам.

Их окружили, расспрашивали быстро, коротко.

- Сколько?

- Восемнадцать! Один раненый.

- Откуда?

- Из четырнадцатого крестьянского.

- Пускай остальные подходят. Винтовки возле той березы сбросайте живо...

Оба во весь дух понеслись обратно. Красноармейцы, столпившись кучею, топтались по снегу и с любопытством смотрели, что будет дальше.

- Смотри-ка, тащат что-то!

- Говорили, что раненый.

- Как бы не "максимку", а то как полыснут, вот тебе и будет раненый.

- Не полыснут. Видите, винтовки бросать начинают.

Теперь видно было, как перебежчики, поравнявшись с березой, остановились, разом - подчеркнуто, четко - подняли винтовки и пошвыряли далеко в стороны.

- Эх, вот дурачье-то! Сложили бы на дороге, а то кто за ними подбирать будет?

Подшли. Началась суета.

- Где раненый?
- Давай сюда...
- Стой, занеси в избу, да осторожней, не бревно, чай.
- Давай под голову шинель... или нет, тащи от хозяйки полушубок.

Пришел лекпом и гаркнул басом:

- А ну, выметайтесь, лишние... Что-о?! Посмотреть?! Когда сам пулю получишь, тогда и посмотришь.

Раненый был без сознания.

- Как? - спросил я лекпома.

- Плох, - покачал головой тот. - Пробито легкое...

Я вышел на улицу. По дороге встретил комиссара полка.

- Зайдем, - сказал он мне, - сейчас с перебежчиками разговаривать буду.

Зашли. Все разом поднялись.

- Сидите, - сказал комиссар добродушно и удивленно. - Что я вам, генерал, что ли?

Разговор сначала не завязывался, перебежчики отвечали коротко и односложно, как будто бы боялись лишним необдуманным словом навлечь на себя гнев.

- Так зачем же вы, братцы, перебежали? - хитро сощурившись, спросил комиссар. - Служба, что ли, там хуже или хлеба меньше дают? Так и у нас ведь не больно разъешься.

По-видимому, последнее замечание задело кое-кого за живое, потому что несколько голосов ответили горячо, оправдываясь:

- Тут дело не в пайку.

- Нам с ними нет интереса.

- Они за свое, а мы за свое.

- У их офицеры лютые, хуже, чем при режиме.

Завязалась оживленная беседа. Перебежчики расспрашивали и рассказывали сами.

- У них Буденного дюже боятся, говорят, что будто беглый каторжник посадил на коней арестантов и носится.

- Так что же они от каторжника утекают?

- Они говорят, что это только для видимости, как бы заманивают его на Кубань, а там казаки им покажут...

- А кто это раненый у вас? - спросил я. - Где его?..

Отвечало сразу несколько голосов:

- Так это же отделенный наш!

- Самый главный во всем этом. Из-за него, можно сказать, перебегли мы. Сам он казак, однако всегда стоваривал нас, чтобы перебежать. Мы всё не решались, наконец сегодня говорит прямо: "Если вы не хотите, перебегу один". Ну, мы согласились, когда уж такое дело, - собрались и пошли под видом разведки. Только-толь-

ко заставу перешли, откуда ни возмись, ротный на коне, посты проверял. Взяло его подозрение, какая такая разведка. "А ну, марш по домам!" Мы было заколебались, а отделенный наш возьми вскинь винтовку да как грохнет по офицеру, тот так и тюкнулся.

Ну, мы видим - ворочаться поздно. Давай ходу. Застава по нам огонь открыла, мы по ней. Совсем было за бугор забежали, да вздумалось ему еще раз по белым стрельнуть. Только остановился, как его пулей и прихватило. Подхватили мы его и понесли. Дорогой память ему отшибать стало, и все просился: "Братцы, донесите до товарищей! Не могу на белой земле помирать, хочу к своим".

Крови много вышло, помрет, должно быть... Так хотел с красными заодно, а не пришлось, видно.

И глухо поддакнула с горечью вся изба:

- Так хотел, а не пришлось...

Я вышел на улицу. Было морозно и тихо. Зашел в избу к раненому.

- Плох, - сказал мне стоявший возле него полковой доктор, - совсем плох...

Лампа бросала тусклый, помертвевший свет. Раненый лежал, раскинувшись и полузакрыв глаза.

- Товарищи, - прошептал вдруг он запекшимися губами. - Товарищи!

- Да, да, товарищи, - успокаивая, ответил я.

Нечто вроде слабой, больной улыбки разлилось по его лицу, и он прошептал опять:

- Я тоже ваш...

Потом замолчал, откинулся назад, гневно забормотал что-то несвязное, непонятное, какую-то невысказанную угрозу невидимому врагу, и розоватой, окрашенной кровью пеною окрасились уголки его запекшихся губ.

Я вышел и пошел потихоньку к окраине деревушки.

"Да, ты тоже красный, ты тоже наш, - подумал я. - Кровью и жизнью заплативший за право быть в рядах лучших из нас. А это дорогая, очень дорогая цена, которую сможет дать далеко не всякий".

Возле крайнего домика я остановился и оглянулся.

Бледный круг, спутник сильного мороза, широко охватывал небо возле яркой зимней луны. Молчали скованные снежным покоем поля, застывшие в безветрии. И дорога, по которой лежал наш завтрашний путь, убегала вдаль, изгибаясь, и терялась у смутного горизонта, там, где черный лес окаменел тайною и красные звезды спускались над сугробами низко.

1927